

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 26 (2341). Воскресенье, 29 июня 1947 г. Цена 50 коп.

Московский клуб писателей полон. В зале—лучшие представители многонациональной советской литературы.

С большим вниманием слушают участники пленума содержательную 2 1/2-часовую речь Генерального секретаря правления Союза советских писателей СССР А. Фалеева. Докладчик дает обстоятельный анализ

состояния советской литературы, характеристику ее достижений за десять месяцев, прошедших со дня опубликования исторического постановления ЦК ВКП(б).

После доклада тов. Фалеева объявляется перерыв. Следующее заседание пленума — в понедельник, в 11 часов утра.

XI ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б)

от 14 августа 1946 года О ЖУРНАЛАХ „ЗВЕЗДА“ И „ЛЕНИНГРАД“

Доклад генерального секретаря ЦК ВКП(б) тов. А. ФАДЕЕВА

Советская литература на подеме

Прошло десять месяцев со дня исторических постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, доклада товарища А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Этот срок не так уж велик, но теперь не только нам, писателям, а и всему народу ясно видно, что эти постановления оказали благотворное влияние на нашу литературу, обеспечили подъем всей литературной жизни. Есть ряд показателей этого подъема. Во-первых, основные кадры писателей всей нашей многонациональной литературы работают не покладая рук, работают чрезвычайно продуктивно. Это особенно показательно в области прозы. Я называю некоторых имена писателей, чьи произведения (или были опубликованы, или печатаются сейчас, или закончены, или же находятся в таком состоянии, что мы можем ожидать их опубликования в конце 1947—начале 1948 года. Среди них: М. Шолохов, К. Федин, И. Эренбург, В. Катаев, В. Каверин, В. Гроссман, Ф. Панферов, Ю. Герман, К. Симонов, П. Павленко, В. Инбер, В. Васильевская, Ю. Смолич, А. Копыленко, Лео Князевич, Чейшвили, Кутателадзе, В. Лашин, Абаулла Кахар, С. Муканов, Мухтар Ауэзов.

К сожалению, лишь очень немногие из этих авторов разрабатывают в своих произведениях тему новой сталинской пятилетки. За последние время только московские организации направляли в различные районы страны — на стройки, в колхозы—около ста человек. Но показательно, что среди этих писателей наиболее видными нашими литераторами.

Я не ставлю своей задачей охарактеризовать каждое произведение. Но некоторые из них хочется отметить. Прежде всего следует остановиться на повести К. Симонова «Дым отечества». Повесть скоро будет закончена. Это значительное произведение ставит основную тему наших дней, тему советского патриотизма.

Тема советского патриотизма в том или ином виде сказывается в большинстве произведений советских писателей. Но в повести К. Симонова эта тема находит свое яркое выражение. Здесь сопоставляется наш советский человек, наша советская жизнь с жизнью обыкновенного среднего американца. Сюжет повести несложен. Советский гражданин, прибывший в район — последний год войны и год после войны — в Соединенных Штатах Америки, возвращается в СССР. К. Симонов наглядно показывает в своей небольшой повести преимуществ нашего советского строя по сравнению с обществом, где господствует чуждый, где мещанство проникает во всю жизнь и где правящие круги, используя все свои возможности для отравления сознания человека, прививают ему, не говоря уже о человекоунижающих взглядах, стремление только к устройству своей частной жизни, погоню за долларом, который является главным регулятором всей жизни человека в буржуазном мире. Эта тема является очень значительной и важной в наши дни.

Мне хочется также назвать уже законченный роман П. Павленко «Снасть» не только потому, что П. Павленко рисует жизнь колхозов в последний год войны и показывает, как человек, травмированный в боях, становится передовым человеком в районе, — тем человеком, вокруг которого сосредотачивается все самое передовое в колхозах. В этом романе П. Павленко развивает главную тему нашего времени — тему советского патриотизма. Жизнь социалистической родины сопоставляется с зарубежной жизнью, с которой наши солдаты и офицеры познакомятся, когда они переступили рубежи Западной Европы, преследуя врага.

Не менее плодотворно, чем прозаики, работают наши поэты во всех республиках. Было бы затруднительно перечислить их в докладе. Среди поэтических произведений мне хочется отметить несколько, и прежде всего цикл государственных стихов Николая Тихонова. Эта прекрасная поэтическая книга служит делу укрепления дружбы между славянскими народами. Далее нужно отметить стихи Н. Заболотского, появившиеся в «Новом мире», посвященные новому строительству, основной теме дня: стиху казахского поэта Бекхожина «Келтемасат» и «Легенда о Сыр-Дарье» — в этих стихах особенно наглядно виден переход от казахского народа, который был раньше излюбленной темой Бекхожина, к тематике современности — строительству новой жизни.

Интересно и продуктивно работают наши драматурги. За это время закончены, — или близки к окончанию, — пьесы виднейших наших драматургов. Это пьесы К. Симонова, Н. Погодина, С. Михалкова, В. Горбатова, П. Ниллина, В. Соловьева, Н. Вирты, М. Аднер, В. Коженикова и И. Прута, Б. Ромашова, Вс. Иванова, А. Софронова, В. Овечкина, П. Маркина, А. Якобсона, Ило Машаевши, С. Шанишавили и др.

Не буду говорить о пьесе Симонова «Русский вопрос». Теперь уже все знают значение этой пьесы. Мне хочется отметить три пьесы на колхозную тему: В. Овечкина «Бабе лето», П. Ниллина «На белом свете» и Н. Вирты «Хлеб наш насущный». Эти пьесы имеют и свои достоинства и свои недочеты. И тот факт, что эти пьесы в журналах выросли, свидетельствует о повысившемся значении критики в нашей литературе.

Особенно ценны статьи, проясняющие историю партии в литературе. Это статьи Б. Мейлаха — «Борьба Ленина с идеологией «Вех» и «Ленин и вопросы идеологии в период реакции» («Звезда»), Б. Яковлева — «Великий принцип» («Новый мир»), — «Большинственная партия и советская литература», статья В. Курдюмова — «Звезда» и «Правда» в борьбе за идейность литературы» («Новый мир»).

О советском патриотизме и низкопоклонстве перед иностранщиной

Есть центральная, главная тема современности, в которой, как в фокусе, объединяются все остальные темы. Это тема советского патриотизма. Мы должны показать всему нашему народу и всему человечеству, что представляется собой наше советское общество, что представляем собой мы, советские люди, в сопоставлении с капиталистическим обществом, с человеком, воспитанным империализмом, капитализмом. Мы, писатели, больше, чем кто-либо другой, можем и должны сказать о том, что такое наш советский строй, каковы его преимущества, показать величие советского человека. Это генеральная тема на большой период времени. Она разнообразна, имеет много сторон. Но мы должны эту тему поднимать во что бы то ни стало. Среди отдельных представителей нашей интеллигенции далеко не все изжило старое предрешение перед иностранщиной, низкопоклонство, как было сказано в постановлении ЦК партии. А для того чтобы подлинно, в области советского патриотизма, мы должны особенно ясно видеть проявление низкопоклонства перед иностранщиной в среде литераторов, в нашей литературе. Несмотря на происходивший в нашей критике поворот к наступлению на реакционную идеологию Запада, все-таки, очевидно, в среде наших критиков и литературоведов еще нет должной ясности в этом вопросе. Это явствует из недавних порывов.

Имеются ли у нас явления низкопоклонства перед Западом в литературе? Да, они имеются. Это совершенно правильно указал товарищ Н. Тихонов в газете «Культура и жизнь» со статьей против книги И. Нусинова «Пушкин и мировая литература». Эта книга, изданная в 1941 году, долго жила, не встречая никакой критики, а это очень вредная книга.

Законы общественного развития, открытые Марксом и Лениным, — это всеобщие законы. Но ни Маркс, ни Ленин не представляли себе «безгосударственного», «бездоговорного» развития общества. И Маркс и Энгельс, а в особенности Ленин и Сталин, посвятили немало трудов выяснению особенностей развития каждого народа, государства. Без этого нет никакого марксизма.

Как можно определить место Пушкина в мировой литературе? Для этого нужно проанализировать национальную почву, которая породила Пушкина. Можно себе представить Пушкина без Отечественной войны 1812 года? Нет, она определила весь путь развития России на ближайшие десятилетия, в известном смысле определила все развитие XIX века в России. В экономическом отношении эта война сильно подвинула Россию по пути капиталистического развития. Как всякая справедливая война, она невероятно раскрыла перед русским народом его силы, подняла его национальное самосознание.

У Триболова есть не написанная им, существующая только в конспекте пьеса, в которой он хочет показать русского крепостного крестьянина, как этот крепостной крестьянин, пройдя через всю Отечественную войну, пройдя через всю Европу, становится человеком с большой буквы. Но противоречия развития России состояли в том, что этот человек, возвратившись к себе домой, мог быть вынужден помешком на коношню.

Пушкин — это то, что дала наша русская нация в результате победы над Наполеоном, где великая русская нация показала свою богатейшую историческую силу.

Уже перед нами книга Нусинова «Пушкин и мировая литература». В этой книге вообще нет ни слова о том, что была такая Отечественная война 1812 года и нет даже попытки проанализировать, что, собственно, происходило в России в то время, когда был Пушкин. Основная мысль этой книги, что гениальность Пушкина не есть выражение особенностей исторического развития русской нации, что обязан был бы показать марксист, а задача этой книги — показать, что величие Пушкина состоит в том, что он «европеец», что на все вопросы, которые поставила Западная Европа, он, дескать, находил свои ответы.

Очень характерно, как Нусинов объясняет не такую широкую известность Пушкина в Европе в свое время. Он объясняет это вовсе не тем, что знавшаяся невежественная Европа читала, что происходило в это время с великой русской нацией и поэтому наплевательски относилась к такому гению русского народа, как Пушкин. А он это объясняет тем, что Пушкин — это «европеец», свой брат среди западноевропейских гениев и поэтому он там не мог звучать.

«Нам кажется, что Пушкин в меньшей степени стал в центре внимания западного читателя и читателя потому», — пишет Нусинов, — что он... был не только по своей культуре, но и по своим творческим устремлениям, по своему философскому характеру несравненно больше всевропейский писатель, чем Толстой и Достоевский».

«... Толстой и Достоевский отрицали идеалы, идеалы России». Так и сказано: «восточные идеалы, идеалы России!» На этой концепции, что свет идет с Запада, а Россия страна «восточная», стоит эта книга.

Состояние литературных организаций

И четвертый объективный признак подема: в наших писательских организациях жизнь течет более оживленно, чем раньше, более активно работают секции, комиссии, организации наши более активно вмешиваются в жизнь, больше занимаются непосредственно творческими вопросами. Я позволю себе остановиться на работе некоторых республиканских писательских организаций. Жизнь идет в них правильно, где сумели правильно определить идейного противника, сумели применить мудрое постановление Центрального Комитета. Где создана в умах идеяная ясность. Возьмите, например, Украину. Украина не расклевывает, несомненно, большой подъем литературной жизни. Почему? Потому что в Украине с помощью Центрального Комитета партии Украины очень правильно определили противника — это пережитки буржуазного национализма в сфере исторической науки, в сфере литературоведения, в области литературы.

В первые месяцы после постановления ЦК не чувствовалось никакого движения в Белоруссии, потому что там наши товарищи не смогли сразу определить идейное направление борьбы. Но затем с помощью партии белорусские товарищи расклевывали идейные ошибки в своей литературе, и теперь у них жизнь стала живой.

В прибалтийских республиках положение сложнее, это республики молодые. Не без известной расклевки там удалось прояснить идейные позиции, покривить идею республиканские. Сейчас в прибалтийских республиках, в Литве и в Эстонии. Это, прежде всего, старшее поколение начали писать на советские темы, появились новые писатели, которые пишут о нашей современности.

До тех пор, пока ЦК партии Казахстана не вскрыл националистических извращения в работах Института литературы и языка Казахстана, положение на литературном фронте здесь было явно неудовлетворительным. ЦК партии Казахстана вскрыл эти извращения, вынес большое принципиальное решение.

Сейчас лучше обстоит дело в писательской организации республики. Это прежде всего видно по журналам. Например, по 2-му и 3-му номерам казахского литературного журнала мы видим поворот к современной тематике. Правда, пока еще больше очерков, если не говорить о стихах (поэзия здесь идет вперед) — среди этих очерков есть прекрасные очерки Ауэзова. Таким образом, уже обозначился перелом, жизнь идет более активно.

Можно назвать организации, в которых люди хорошо пишут, а в их литературе в Армении, например, появляются новые произведения, пишется стихи, — все это есть. Но не чувствуется живой общественной жизни. Старшее поколение армянских писателей мало принимает участия в работе. Армянские товарищи не выдвигают новых вопросов. В их прессе огонь критики направлен подчас не на те явления, которые должны находиться в центре идейной борьбы. Недавно секретариату пришлось разбирать произведение молодой армянской писательницы Анаит Саян. В произведении есть крупные ошибки, заслуживающие серьезной, товарищеской критики.

Неплохо работают молдавские поэты, появляются новые стихи. Но состояние в молдавской организации неудовлетворительно. Чем это объясняется? Объясняется это тем, что когда вышло постановление ЦК партии, молдавские товарищи на всенародном обсуждении произведений собственного творчества не оставили камня на камне друг от друга. В результате получилось, что почти вся молдавская литература подпадает под критику постановления ЦК партии.

Признаюсь, товарищи из Молдавии, мы не можем с вами согласиться. Нам подавляющее большинство из вас нравится. Мы о вас лучшего мнения. Значит, как-то неправильно вы в этом вопросе поступили. Вы перессорились, друг друга поносите, а общественной жизни у вас нет. Не согласны вы с тем, что такой хороший поэт Молдавии, как Емельян Буков, чья ли не ваш «идейный противник». Я думаю, что у Букова также бываю ошибки, как у многих поэтов. Но мы переводы Букова читаем, и нам он кажется неплохим поэтом. Нам действительно идейного противника видеть, а что же друг друга бить?

Пушкин сделал безнационально-всемирным, всевропейским, всечеловеческим. Как будто можно быть таким, выпрыгнув из исторически сложившейся нации, к которой ты принадлежишь, как будто можно быть всечеловеческим вне нации, помимо нации. Как и во всякой другой книге, здесь, конечно, выставлены всякие заградительные щиты. Говорится о Пушкине коротко знает что, а потом, между строк, что Пушкин — великий русский гений. Но по Нусинову, все дело в том, что Пушкин «продолжал и углублял западную культуру», поскольку будущее русского народа было для Пушкина «немисливо» вне путей Запада.

Перелом к темам современности еще не совершился

Литература — на подеме. Это верно. Но в чем прежде всего сказывается слабость нашей работы? Мы не сумели, хотя срок прошел довольно значительный, совершить коренной перелом к темам современности, которого ждем от нас народ. Таких произведений, которые трактовали бы проблемы нашей пятилетки и имели бы звучание в народе, еще очень мало. Во время войны мы правильно рассуждали, что мы хотим своим оружием участвовать в победе. Но неужели мы теперь, в годы пятилетки, в этих труднейших условиях будем дожидаться, пока пятилетка будет выполнена, для того чтобы ее «отобразить»? Есть известная опасность в литературной среде, меняющая переход к этим современным темам, есть большая слабость в работе наших организаций — не научились по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных умов и вдохновлять людей на новые темы, ни организационно помочь им теснее связаться с жизнью.

На тему строительства нашей индустрии, о нашем рабочем человеке написал чудесный очерк Б. Галин «В Донбассе» Были хорошие очерки М. Шагинян, некоторые произведения появились в республиках, я их называл. Но всего этого совершенно недостаточно.

В области колхозной темы, кроме разве что милого произведения, появился роман Г. Медальского «Марья», Д. Стрельникова «Раннее утро», Е. Мальцева «Горюха» и П. Тонакова «Паром». Нужные работы, но с недостатками.

В том, что так мало у нас произведений о современности, виноваты и критика: она еще не научилась по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных потребностей.

Литература — на подеме. Это верно. Но в чем прежде всего сказывается слабость нашей работы? Мы не сумели, хотя срок прошел довольно значительный, совершить коренной перелом к темам современности, которого ждем от нас народ. Таких произведений, которые трактовали бы проблемы нашей пятилетки и имели бы звучание в народе, еще очень мало. Во время войны мы правильно рассуждали, что мы хотим своим оружием участвовать в победе. Но неужели мы теперь, в годы пятилетки, в этих труднейших условиях будем дожидаться, пока пятилетка будет выполнена, для того чтобы ее «отобразить»? Есть известная опасность в литературной среде, меняющая переход к этим современным темам, есть большая слабость в работе наших организаций — не научились по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных умов и вдохновлять людей на новые темы, ни организационно помочь им теснее связаться с жизнью.

На тему строительства нашей индустрии, о нашем рабочем человеке написал чудесный очерк Б. Галин «В Донбассе» Были хорошие очерки М. Шагинян, некоторые произведения появились в республиках, я их называл. Но всего этого совершенно недостаточно.

В области колхозной темы, кроме разве что милого произведения, появился роман Г. Медальского «Марья», Д. Стрельникова «Раннее утро», Е. Мальцева «Горюха» и П. Тонакова «Паром». Нужные работы, но с недостатками.

В том, что так мало у нас произведений о современности, виноваты и критика: она еще не научилась по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных потребностей.

Литература — на подеме. Это верно. Но в чем прежде всего сказывается слабость нашей работы? Мы не сумели, хотя срок прошел довольно значительный, совершить коренной перелом к темам современности, которого ждем от нас народ. Таких произведений, которые трактовали бы проблемы нашей пятилетки и имели бы звучание в народе, еще очень мало. Во время войны мы правильно рассуждали, что мы хотим своим оружием участвовать в победе. Но неужели мы теперь, в годы пятилетки, в этих труднейших условиях будем дожидаться, пока пятилетка будет выполнена, для того чтобы ее «отобразить»? Есть известная опасность в литературной среде, меняющая переход к этим современным темам, есть большая слабость в работе наших организаций — не научились по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных умов и вдохновлять людей на новые темы, ни организационно помочь им теснее связаться с жизнью.

Перелом к темам современности еще не совершился

Литература — на подеме. Это верно. Но в чем прежде всего сказывается слабость нашей работы? Мы не сумели, хотя срок прошел довольно значительный, совершить коренной перелом к темам современности, которого ждем от нас народ. Таких произведений, которые трактовали бы проблемы нашей пятилетки и имели бы звучание в народе, еще очень мало. Во время войны мы правильно рассуждали, что мы хотим своим оружием участвовать в победе. Но неужели мы теперь, в годы пятилетки, в этих труднейших условиях будем дожидаться, пока пятилетка будет выполнена, для того чтобы ее «отобразить»? Есть известная опасность в литературной среде, меняющая переход к этим современным темам, есть большая слабость в работе наших организаций — не научились по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных умов и вдохновлять людей на новые темы, ни организационно помочь им теснее связаться с жизнью.

На тему строительства нашей индустрии, о нашем рабочем человеке написал чудесный очерк Б. Галин «В Донбассе» Были хорошие очерки М. Шагинян, некоторые произведения появились в республиках, я их называл. Но всего этого совершенно недостаточно.

В области колхозной темы, кроме разве что милого произведения, появился роман Г. Медальского «Марья», Д. Стрельникова «Раннее утро», Е. Мальцева «Горюха» и П. Тонакова «Паром». Нужные работы, но с недостатками.

В том, что так мало у нас произведений о современности, виноваты и критика: она еще не научилась по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных потребностей.

Литература — на подеме. Это верно. Но в чем прежде всего сказывается слабость нашей работы? Мы не сумели, хотя срок прошел довольно значительный, совершить коренной перелом к темам современности, которого ждем от нас народ. Таких произведений, которые трактовали бы проблемы нашей пятилетки и имели бы звучание в народе, еще очень мало. Во время войны мы правильно рассуждали, что мы хотим своим оружием участвовать в победе. Но неужели мы теперь, в годы пятилетки, в этих труднейших условиях будем дожидаться, пока пятилетка будет выполнена, для того чтобы ее «отобразить»? Есть известная опасность в литературной среде, меняющая переход к этим современным темам, есть большая слабость в работе наших организаций — не научились по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных умов и вдохновлять людей на новые темы, ни организационно помочь им теснее связаться с жизнью.

На тему строительства нашей индустрии, о нашем рабочем человеке написал чудесный очерк Б. Галин «В Донбассе» Были хорошие очерки М. Шагинян, некоторые произведения появились в республиках, я их называл. Но всего этого совершенно недостаточно.

В области колхозной темы, кроме разве что милого произведения, появился роман Г. Медальского «Марья», Д. Стрельникова «Раннее утро», Е. Мальцева «Горюха» и П. Тонакова «Паром». Нужные работы, но с недостатками.

В том, что так мало у нас произведений о современности, виноваты и критика: она еще не научилась по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных потребностей.

Литература — на подеме. Это верно. Но в чем прежде всего сказывается слабость нашей работы? Мы не сумели, хотя срок прошел довольно значительный, совершить коренной перелом к темам современности, которого ждем от нас народ. Таких произведений, которые трактовали бы проблемы нашей пятилетки и имели бы звучание в народе, еще очень мало. Во время войны мы правильно рассуждали, что мы хотим своим оружием участвовать в победе. Но неужели мы теперь, в годы пятилетки, в этих труднейших условиях будем дожидаться, пока пятилетка будет выполнена, для того чтобы ее «отобразить»? Есть известная опасность в литературной среде, меняющая переход к этим современным темам, есть большая слабость в работе наших организаций — не научились по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных умов и вдохновлять людей на новые темы, ни организационно помочь им теснее связаться с жизнью.

Portrait of a man, likely the author or a key figure mentioned in the text.

Удушье литературно-художественных журналов

Несомненно ухудшились наши литературно-художественные журналы. Они стали интереснее, в них чувствуется редакторская рука. Все, что я называл, прошло и идет через журналы. Особенно следует отметить значительное улучшение общественно-политических разделов и разделов критики и библиографии в журналах. В журналах можно найти статьи по различным вопросам нашей жизни, статьи на международные темы, по вопросам философии, истории. Гораздо больше в народе журналы стали уделять литературе в годы СССР. Нет ни одного журнала, в котором не печаталось бы произведения того или иного поэта или прозаика братской республики. Усплыло внимание к переводам славянских писателей.

Критика и библиография является главным идеологическим рычагом поворота нашей советской литературы на новые

Перелом к темам современности еще не совершился

Литература — на подеме. Это верно. Но в чем прежде всего сказывается слабость нашей работы? Мы не сумели, хотя срок прошел довольно значительный, совершить коренной перелом к темам современности, которого ждем от нас народ. Таких произведений, которые трактовали бы проблемы нашей пятилетки и имели бы звучание в народе, еще очень мало. Во время войны мы правильно рассуждали, что мы хотим своим оружием участвовать в победе. Но неужели мы теперь, в годы пятилетки, в этих труднейших условиях будем дожидаться, пока пятилетка будет выполнена, для того чтобы ее «отобразить»? Есть известная опасность в литературной среде, меняющая переход к этим современным темам, есть большая слабость в работе наших организаций — не научились по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных умов и вдохновлять людей на новые темы, ни организационно помочь им теснее связаться с жизнью.

Перелом к темам современности еще не совершился

Литература — на подеме. Это верно. Но в чем прежде всего сказывается слабость нашей работы? Мы не сумели, хотя срок прошел довольно значительный, совершить коренной перелом к темам современности, которого ждем от нас народ. Таких произведений, которые трактовали бы проблемы нашей пятилетки и имели бы звучание в народе, еще очень мало. Во время войны мы правильно рассуждали, что мы хотим своим оружием участвовать в победе. Но неужели мы теперь, в годы пятилетки, в этих труднейших условиях будем дожидаться, пока пятилетка будет выполнена, для того чтобы ее «отобразить»? Есть известная опасность в литературной среде, меняющая переход к этим современным темам, есть большая слабость в работе наших организаций — не научились по-настоящему рассматривать литературу с точки зрения народных умов и вдохновлять людей на новые темы, ни организационно помочь им теснее связаться с жизнью.

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЯ И НИЗКОПОКЛОНСТВА В СОВЕТСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

Новые явления в жизни современного фольклора решительно разбивают антинаучный взгляд на народное творчество, как на пережиток старины, как на выражение культурной отсталости народа.

Фольклор советского народа отражает новые коммунистические идеи, является орудием социальной борьбы.

Мифология, фантастика мало характерны для советского фольклора, его характерны реалистичность, жизненность, правдивость. Новый фольклор по своему содержанию может быть признан не только народным творчеством, да и создателями современных песен, сказок и легенд теперь другие. Это — не как пережиток со своими духовными стихами, не захарки, не плакушки, а грамотные колхозники, рабочие, воины-победители, школьники и т. д. Раньше фольклор создавался только устно, а теперь сказочник часто пишет свои произведения. В этом огромное отличие современного фольклора от устной поэзии прошлых времен.

И странно, что некоторые литературоведы и фольклористы-этнографы до сих пор не могут понять этого, не замечают жизненности фольклора и продолжают упреждать об его упадении и отмирании, смотря на фольклор, как на архаику, как на пережиток.

Вик Сидельников

Народное творчество надо рассматривать прежде всего, как живую часть художественной литературы. Каждая сказка, песня должны восприниматься нами, как вполне законченное самостоятельное произведение. Требования к ним нужно предъявлять такие же, как и к произведениям писателей. Нельзя воспринимать фольклор целиком, без разграничения подлинного народного от легендарного.

Некритическое отношение к фольклору приводит к ошибкам, грубым извращениям, путанице. Киргизский фольклор Академии наук издавал книгу Г. Самарина «Народная поэзия и песенное творчество киргизского народа». В этой книге подлинное народное выдвинуто в истинный патристический народ, автором приведены в качестве солдатских песен произведения, качество которых не имеющие к подлинно народной поэзии.

Писает, пишет царь турецкий,
Писает русскому царю...
Или:
Объявляя граф Пашкевич,
За дубовым сидя столом:
— Не тужите, наш император,
Вы не думайте ни о чем...
Народ никогда в своих песнях не называл царя «императором» и не обращался к нему на «вы».

Для Г. Самарина народное творчество еще «Гой, еси!» Он никак не может примириться с тем, что изменилось не только содержание фольклора, но и его поэтическая структура. В его книге в современной песне «дружинники» обязательно «ко-

О поэзии для маленьких

Есть ли в Москве ребенок, который, опускаясь в метро, не пропел бы знаменитых стихов:

Детства — чудесная
Безит сама собой...
Но очень немногие знают, что у «детских чудесных» есть автор и что зовут его Елизавета Тараровская. Эта яркая поэта девушка уже стала «большой» — закончила карьеру для песни. И почему бы ее не считать к их числу? Но почему по этому случаю вполне естественная авторская гордость?

В детской литературе такие случаи бывали не раз. Миллионы советских детей видели, например, пьесу «По шумному велению». Она шла чуть не во всех детских театрах. В одном только театре С. Образцова количество ее постановок уже перевалило за тысячу. Да и в кино она как-то не сходит с экрана. Но многие ли из тех миллионов, которые восхищаются ею, знают, что у нее имеется автор и что зовут его — Елизавета Тараровская.

Между тем, пора бы им знать это имя. Тараровская не поэтесса в литературе. Кроме названных пьес и стихов о метро, она написала до войны два десятка детских книг или сказок. Самые разнообразные темы: «Колокол в море», «Амар — детский сад» (о детях в армии), «Дружба», «ИЗ БЕЗ Б», «Новый дом», «Волшебный выносил», и т. д. А сколько стихотворений ее положено на музыку для фортепиано и пения!

Словом, перед нами — многообещающий автор с немалыми успехами в прошлом. И теперь, когда в Детизме появилась новая книга Тараровской, мы имеем право предъявить к ней самые строгие требования. И хотя этим требованиям она отвечает не всегда, все же мы обязаны отметить, что это — лучшая из книг Тараровской. Ее прежним произведениям часто вредила дряблая форма стиха, за которой порою скрывались равнодушие к теме. Теперь стихи у нее стали музыкальны и крепки («Как темно и тихо стало», «Подарок»), и в них больше мастерства, больше зрелости. Не сомневаемся, что следующая книга Е. Тараровской будет еще более достойна ее дарования.

Но есть в стихах у Тараровской некое приспосабливающее качество, которое, как нам кажется, ей необходимо изжить. Это качество, дружка, скатать, не ей одной, мы все можем себе называть псевдодетско.

Вот, например, на странице 12 у нас говорится о каком-то ребенке, что он, по своей трагической детской наивности, воображает, будто в его камышовую лужку залетела какой-то птичка и что все звуки, которые он сам же издавал от ее слуха, кажутся ему птичьими чириканьями. По словам автора, простодушный младенец готов даже разрезать свою лужку ножом, чтобы выпустить оттуда эту птичку:

Разрежу лужку ножом, —
Пусть тебя, лети!

Конечно, у годовалых ребят (да и то не всегда) встречается такая наивность, но можно ли повторить, что мальчишка, который уже владеет ножом и так виртуозно играет на луже, находится во власти подобных иллюзий? И когда он продолжает как протяжении целой страницы кокетничать своей инфантильностью и лепетать про крохотную птичку, мы не верим ни одному его слову.

Как на зло, художник, иллюстрирующий стихи Тараровской, изобразил этого дудара в виде дорожного малюга с большими рюшашками. Малый сидит под деревом и, как за-

Елизавета Тараровская. «Солнечные часы». Рисунки П. Алексина. М.-Л. Детизм, 1947, 32 стр.

Вот, например, на странице 12 у нас говорится о каком-то ребенке, что он, по своей трагической детской наивности, воображает, будто в его камышовую лужку залетела какой-то птичка и что все звуки, которые он сам же издавал от ее слуха, кажутся ему птичьими чириканьями. По словам автора, простодушный младенец готов даже разрезать свою лужку ножом, чтобы выпустить оттуда эту птичку:

Разрежу лужку ножом, —
Пусть тебя, лети!

Конечно, у годовалых ребят (да и то не всегда) встречается такая наивность, но можно ли повторить, что мальчишка, который уже владеет ножом и так виртуозно играет на луже, находится во власти подобных иллюзий? И когда он продолжает как протяжении целой страницы кокетничать своей инфантильностью и лепетать про крохотную птичку, мы не верим ни одному его слову.

Как на зло, художник, иллюстрирующий стихи Тараровской, изобразил этого дудара в виде дорожного малюга с большими рюшашками. Малый сидит под деревом и, как за-

Иллюстрация худ. В. Щеголова к книге С. Михалкова «Стихи для детей» (Детгиз).

Иллюстрация худ. В. Щеголова к книге С. Михалкова «Стихи для детей» (Детгиз).

также сказки братьев Гримм, что «Сказка о золотом петушке» является переработкой новеллы Ирвинга, что в основе «Сказки о царе Салтанте» лежат самые разнообразные источники, как устные, так и книжные, как русские, так и западноевропейские.

Возведение сказок Пушкина к иностранным источникам — вредная теория, требующая всяческого похищения и осуждения. Однако подобное преключение перед западноевропейской культурой имеет место и в других работах проф. Азодского. Так, в 1946 году в статье «Русская фольклористика и славянские страны», опубликованной в «Научном бюллетене Ленинградского Государственного университета» (№ 11—12) он пишет: «Формирование науки о фольклоре в каждой из этих стран (Чехия, Сербия, Польша — В. С.) неизбежно должно было сопрягаться в своем развитии с общевропейскими оттом и общеевропейской практикой, вытекающей из органического переработки основных тенденций фольклористического движения в Западной Европе». И далее в развитии фольклористики в России и славянских странах, тогдашнюю большую и значительную роль играли русские тенденции, великая английская переработка классической литературы, идеи Гердера, книга Фюрлянда и т. д.

Эти извращения встречаются и в университетских курсах фольклора. Почему историю русской фольклористики надо непременно начинать с Бр. Гримм, со сборника Готфрида Гердера, останавливать внимание студентов на «теориях» Макса Мюллера, Адальберта Куна, Шарва, Мангардта и т. д.? А где русские детели? Где в истории фольклористики Пушкин, Гоголь, Горький?

История фольклористики преподносится студентам, как история сменяющихся школ. Без связи с общественными, литературными течениями эпохи. Поэтому почти никто не говорит о значении в развитии русской фольклористики работ Великого, Чернышевского, Добролюбова, Прыжева, Худяковского. А где неутомимый собиратель фольклора П. И. Якушкин, которого так высоко ценит Максим Горький? Нет в курсе фольклора и высказываний о народном творчестве В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также М. И. Калинина.

Необходимо больше места уделить сказкам фольклора. До сих пор на его изложение тратится минимальное количество времени, в учебнике акад. Ю. М. Соколова «Русский фольклор» советскому фольклору из 553 страниц отведено всего лишь 50.

Нам кажется, настало время организовать специальный научно-исследовательский центр по изучению творчества народов СССР. Этот центр должен объединить все разрозненные фольклористические организации, направить их работу на изучение классического и советского фольклора, бороться за новаторство в советской фольклористике.

Иван ЖИГА Литература Советской Якутии

В прошлом Якутия была страной вымирающего народа и страшной «дедяной тюрьмой» для политических «сытников». Дореволюционный якутский поэт А. Софронов писал о тяжком положении своего народа: «Как гниль, лежал под землей, И гнил и нем мой край родной, Трудовой человек, Давно вложил свой жалкий век, Он и в порте дымной порой Живет несчастною порой, Попадает, горюет и угрюм...»

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила якутов изпод губительного гнета родовых князюшек — тойонов и царских чиновников и вывела их на широкую дорогу социалистического преобразования жизни, на путь национального и культурного развития.

В 1922 году был создан первый якутский букварь, тогда же начали выходить школьные учебники, а с 1923 года впервые появляются в печати стихи и рассказы молодых якутских писателей — Юнде, Эллы, Абагынского, Амма Аччыгыя, С. Омоллона, Кюннок Урастырова, Эрэлк Эрстина, С. Ефремова. Все Джарарына и других.

Якутские писатели постепенно овладевают русским языком, переводят русскую классическую и советскую литературу. Давно уже издаются на якутском языке произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого, Горького, Маяковского, Шолохова. Под влиянием русской литературы якутские поэты реформировали народное ритмично-аллитерационное стихосложение, начали писать размеренным, рифмованным стихом. Они воспевают радость свободы, возрождение якутского народа, герою гражданской войны, советскую власть, партию, комсомол и великих вождей народов Ленина и Сталина. Наиболее значительными произведениями якутской литературы начального периода ее развития являются поэмы «Артур Романов» С. Васильева, «Коммунизм Семенов» Кюннок Урастырова, «Чурум-Чурумчугу» — Эллы, «Я — сын народа» — Абагынского, песни «Куэен Кюкюр» — Омоллона, «Братья» — С. Ефремова, рассказы и повести Эрэлк Эрстина и Амма Аччыгыя.

В Союзе писателей Якутии насчитывается тридцать пять поэтов, прозаиков, драматургов и народных сказителей. Во время войны якутское государственное издательство выпустило в свет 83 книги якутских авторов.

А. Бэриак в песне «Мы — якуты» с гордостью говорит:

Впереди заложнику святуго,
Мы и боем дуюно завладели,
И, пропавши Армию родную,
На фронтах бесстрастно сражались.

До сих пор в якутской литературе преобладают поэзия и драматургия. Но в последние годы появились и романы — «В огне и бурю» Н. Якутского о гражданской войне в Якутии и первый роман прозаики-трилогии Амма Аччыгыя — «Весенняя пора».

Так же, как и в других молодых наших братских литературах, в творчестве якутских писателей обнаруживаются серьезные недостатки. В некоторых произведениях сказывается национальная ограниченность (песня «Айал» Омоллона), чрезмерное увлечение историческими темами при недостаточном глубоком знании истории своего народа (песня «Волшебный Туймад» Л. Попова). Развитие якутской поэзии мешает натурализм в подходе к явлениям действительности, риторика, некритическое использование фольклора. При обсуждении постановки ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» якутские писатели вскрыли целый ряд положительных сторон и недостатков в творчестве отдельных товарищей, признали, что якутская литература отстает от современных задач послевоенного периода. Перед якутскими писателями встает первостепенная задача — показать, как якутский народ строит свою страну и культуру. В Якутии имеются электрифицированные колхозы, знатные трактористы, замечательные охотники, прославленные шахтеры, инженеры, геологи, ученые. Образы именно этих людей должны занять первое место в художественной литературе.

Можно надеяться, что якутские писатели выполнят эту задачу; в этом обнадеживает их предыдущая творческая работа.

Якутская молодежная советская социалистическая республика отметила два двадцатилетия. За четверть века якутский народ прошел такой путь своего материального и духовного развития, какой в капиталистических условиях невозможно было бы пройти даже за века. От родовых и феодальных общественных отношений на непосредственно перешел к социалистическому обществу и при помощи и поддержке великого русского народа создает свою новую жизнь и ее верное отражение — литературу. Новая советская литература, дальнейшему подъему культуры Советского Союза.

В порядке обсуждения.

Памятники А. М. Горькому

В целях увековечения памяти основоположника советской литературы Алексея Максимовича Горького Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР было поручено установить памятники великому писателю в Москве, Ленинграде, Горьком и Ялте.

Проект памятника, который будет воздвигнут в Горьком, создала В. Мухина. В беседе с нашим сотрудником В. Мухина рассказала:

— Несколько дней назад я возвратилась из Ленинграда, где на заводе «Монумент-скульптура» формуют и отлаживают части памятника. Основной его часть — статуя Горького — будет окончена, надо полагать, через два-три месяца. Ее отольют из бронзы. Одновременно идет работа — скульптура бурсетины, которая входит в композицию памятника.

Мой ближайший помощник — скульптор П. Иванов и Н. Зеленская. Вместе с ними в свое время я работала над скульптурой для советского павильона на Всемирной выставке в Париже.

Под руководством В. Мухиной П. Иванова и Н. Зеленская осуществляют памятник М. Горькому в Москве, на площади перед Белорусским вокзалом, по проекту покойного скульптора И. Шадрин.

На проект памятника М. Горькому в Ленинграде Комитет по делам искусств объявил конкурс, в котором принимают участие скульпторы М. Манисер, А. Зельманский, Е. Левинсон, Е. Блинова и Е. Исаева. Срок конкурса истекает в августе этого года.

В ближайшее время начнется проектирование памятника в Ялте.

Обложки книг, выпущенных Главлитом — Б. Кисина «Графическое оформление книг» (худ. С. Телпигатор) и А. Сидорова «История оформления русской книги» (худ. Н. Ильин).

Кто стоит в границах вале На выско... Между мраморных колонн? Это он — товарищ Сталин, Каждый знает — это он!

Так начинается одно из ее лучших стихотворений — о станции метро «Звонкий Ленин», построенной во время войны. (Стихи о метро включены в сборник «Солнечные часы»). Тут и живая интонация, и большое дыхание, и то неподдельное мажорное чувство, которое свойственно детям.

Совершенно по-детски звучит у нее стихотворение о мальчишке, который во время войны боялся, как бы не просят поздно вечером один из важнейших салютов:

Весел все, как будто замер, Звоню все, но я И не спал, чтобы не выялл Берлина без меня!

(Хотя первая строчка и в этом четверостишии не детская).

Здесь будет уместно сказать, что во время войны Тараровская написала большое количество оборонных стихов, которые были весьма актуальны в то время. Я вспоминаю «Пионерское слово», «Гля и Шарфат» и очень неплохое стихотворение «Салют». Жаль, что оно не вошло в ее новую книгу.

Над горлою влетевшая ракетка Ликим выдвигает, как летит петля, И рождает мол и свет, и мга, Мальчишеская круглая щетка.

И стало злотым стекло окошка, И красное пятно под легким лбом, И гудит стечная допотопица, Та, по которой мы с тобой идем...

Не знаю, детские ли это стихи, но они свежи и поэтичны.

У Елизаветы Тараровской есть все данные, чтобы вплотную приблизиться к писанию советского ребенка и издать ряд надежды из своих будущих книг этих псевдодетей. Шеголяющих псевдодетской детскостью. Право же, книги ее от этого только выиграют.

К сожалению, художник вместо детской тарелочки изобразил гигантский сосуд в поле. Вообще иллюстратор «Солнечных часов» П. Алексин оказался чрезвычайно плохим художником. Рисунки, изображающие лица и фигуры детей, у него — топорны и немоничны (стр. 7, 12, 13, 18), а рисунки, изображающие аалы и вагоны метро, уличную толпу, автомобиль, мотоциклы и пр., исполнены достаточно умело, а порою даже артистично (стр. 25, 26, 27).

Обложки книг, выпущенных Главлитом — Б. Кисина «Графическое оформление книг» (худ. С. Телпигатор) и А. Сидорова «История оформления русской книги» (худ. Н. Ильин).

Вилис Лайс От Балтики до Курильских островов

Шесть лет прошло с того дня, когда в самый канун Великой Отечественной войны мы проводили первый наш съезд — съезд советских писателей Латвии.

В 1941 году у нас еще не было латышской советской литературы. Мы расплывались более или менее приемлемым литературным наследием.

Сейчас мы можем сказать, что есть она, наша латышская советская литература! Она дополненно существует, за шесть лет она достаточно созрела и завоевала права на существование и на большое будущее.

Наша новая литература зародилась в грозные дни, под непрерывный и тяжкий гром войны. Пусть ее определились военными пережитками.

На съезде мы оглядывались на пройденный путь. Пусть и не очень великий, пройденный и собранный нашими литераторами, но кое-что мы достигли почти во всех жанрах. Существует латышская советская лирика, советская новелла, советский роман, советская пьеса. Отрочдо, что мы начинаем преодолевать и кризис драматургии.

Но удовлетворять ли нас количество и качество достигнутого? Ни в коем случае! Сравнив довоенную работу латышских писателей с их последними произведениями. В ряде случаев мы с печалью скажем, что это новые произведения не отмечены художественным ростом, а иногда — уже! — даже заметен упадок в сравнении с былым мастерством.

О чем это говорит? О том, что писатель, дескать, достиг уже прельстивших границ развития и дальше ему идти некуда? О том, что некогда сонный его талант хирит? Или может быть, о том, что наша латышская критика вместо помощи, вместо острого и справедливого оценивания кормила писателя патокой и манной кашей, дезориентировала писателя, шекотала его самолюбием, верой в «совершенствование» его творчества? — И вот он погрузился в вялую, самоудовольствие дрему?

Мы не оспариваем большого воспитателя, но его значения критике. Она во многом может помочь. С ее помощью писатель достигнет вершин художественного совершенства. Но нельзя сказать, что никто из крупных писателей не достиг всей суммы своих успехов благодаря одному только положительному воздействию критики.

Писатель сам — первый — должен быть беспощадным критиком своих работ. Он первый обязан бороться с критикой, угождать и «плацдарм». На этом следует задуматься прежде всего авторам признанным, которым критика менее всего помогает. Критики у нас обычно слишком мягко лавируют вокруг да около ошибок большого писателя, и если позволяют себе, то самое большее, обвиняют, указав, что то-то, мол, в таком-то произведении корифея слабее, чем другое место...

К чему эти деликатности приводят, мы видели на опыте. Это отражено и в прошлом, годных постановлениях ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве.

Посмотрим в свете этих постановлений на латышскую литературу и придем к единственному выводу, что в нашем собственном доме не все в порядке. Пришло, — увы! — назвать многие вещи собственными, не очень ласковыми, но справедливыми именами, как ни неприятно это звучит для слуха некоторых из нас.

Надо признать, что исторические постановления ЦК ВКП(б) мы еще не осуществили до конца. Мы больше «в общих чертах» неслышными под идеологическими обоями латышской литературы. Реалистичнее случаи, когда мы подпадали к этим ошибкам конкретно. Мы разговаривали о многом. Мы писали об идеологических ошибках латышской литературы, писали о нездоровых тенденциях, о художественных недостатках отдельных произведений и т. д. Но иногда этого было разговору слишком обидливо, нам хотелось сказать, бороться и смелости, и зоркости. Надо непременно давать твердую, ясную критическую оценку всем литературным произведениям последнего времени.

А надо сказать, что нашим литературным критикам и сегодня не хватает мужества говорить прямо. Приятельские отношения иногда становятся очень вредными отношениями, они дают на оценку, вернее сказать, они смягчают ее. Одних писателей «критикуют» по-своей, а на «козлов отпущения» с беспощадностью и безальтернативностью обрушивают «критическое» топорище — при своем удобном или неудобном случае. Есть у нас писатели, ставшие минимально безжалостными, хотя издав далеко не острых стрел. Не пора ли ко всем писателям, независимо от их биографии, творческого стажа и занимаемого ими в настоящее время положения, предъявлять одинаковые и справедливые требования? Нам кажется, что к тем, кто может дать больше народу, чем дарованная им талантом, нужно предъявлять повышенные требования.

Внимание латышских писателей прелекает превосходные явления русской советской литературы — книги, посвященные большевикам подпольно, героическим делам советских партизан во время Великой Отечественной войны. С жадностью читают латыши «От Путилов до Карпат» Ковалева, «Люди с чистой совестью» П. Верингера, произведения А. Фелдмана, И. Козлова. Многие из них читают эти книги — организаторам и руководителям партизанского движения — большую помощь в литературной обработке записей оказали писатели и журналисты. Полагаю, что надо опеять и героическую борьбу латышских партизан с гитлеровскими захватчиками, Правление Союза писателей Латвии следует помочь нашим партизанам и героям подпольно обработать их воспоминания.

Нельзя останавливаться еще на одном: до сих пор латышские писатели ограничиваются описанием судьбы, жизни, быта латышского и только латышского народа. Не скромней ли рубить тем и сюжетов? Латышскому писателю пора почувствовать себя писателем всего Советского Союза. Латышские прозаики и поэты должны вспомнить, что границы их государства простиралось от Балтики до гряды Курильских островов. В круг латышских тем входит еще, что делается на просторе от Баренцова моря до Памира, до вершин Ала-Тоу. Вель это наша нынешняя отчизна. На эти просторы должна развертываться судьба героически латышских писателей. По всему этому просторам может быть и даже своих раскрас, наших латышских пьес и повестей.

Разве мы пишем только для «местного потребления»? Для нужд своего дома и двора? Латышская литература существует в среде других многонациональных братских литератур — для всего советского народа. То, что мы пишем, должно быть не только интересно и понятно, но и существенно и для латышей и для русских, для грузин и украинцев, для туркмен и молдаван. В каком бы краю нашей отчизны ни жил читатель и на каком бы языке он ни говорил, он должен протянуть с живым чувством руку к книге латышского писателя. Мы — советские патристы, творцы советских книг, и мы должны смело утверждать нашу литературу на многих, до сих пор не опробованных сюжетах.

Л. Самбор, Дрогобычской обл.

Обложка книги М. Е. Салтыкова-Щедрина «Полшехонская старина» работы худ. А. Шершова (Полтава).

Литература Советской Якутии

В прошлом Якутия была страной вымирающего народа и страшной «дедяной тюрьмой» для политических «сытников». Дореволюционный якутский поэт А. Софронов писал о тяжком положении своего народа: «Как гниль, лежал под землей, И гнил и нем мой край родной, Трудовой человек, Давно вложил свой жалкий век, Он и в порте дымной порой Живет несчастною порой, Попадает, горюет и угрюм...»

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила якутов изпод губительного гнета родовых князюшек — тойонов и царских чиновников и вывела их на широкую дорогу социалистического преобразования жизни, на путь национального и культурного развития.

В 1922 году был создан первый якутский букварь, тогда же начали выходить школьные учебники, а с 1923 года впервые появляются в печати стихи и рассказы молодых якутских писателей — Юнде, Эллы, Абагынского, Амма Аччыгыя, С. Омоллона, Кюннок Урастырова, Эрэлк Эрстина, С. Ефремова. Все Джарарына и других.

Якутские писатели постепенно овладевают русским языком, переводят русскую классическую и советскую литературу. Давно уже издаются на якутском языке произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого, Горького, Маяковского, Шолохова. Под влиянием русской литературы якутские поэты реформировали народное ритмично-аллитерационное стихосложение, начали писать размеренным, рифмованным стихом. Они воспевают радость свободы, возрождение якутского народа, герою гражданской войны, советскую власть, партию, комсомол и великих вождей народов Ленина и Сталина. Наиболее значительными произведениями якутской литературы начального периода ее развития являются поэмы «Артур Романов» С. Васильева, «Коммунизм Семенов» Кюннок Урастырова, «Чурум-Чурумчугу» — Эллы, «Я — сын народа» — Абагынского, песни «Куэен Кюкюр» — Омоллона, «Братья» — С. Ефремова, рассказы и повести Эрэлк Эрстина и Амма Аччыгыя.

В Союзе писателей Якутии насчитывается тридцать пять поэтов, прозаиков, драматургов и народных сказителей. Во время войны якутское государственное издательство выпустило в свет 83 книги якутских авторов.

А. Бэриак в песне «Мы — якуты» с гордостью говорит:

Впереди заложнику святуго,
Мы и боем дуюно завладели,
И, пропавши Армию родную,
На фронтах бесстрастно сражались.

До сих пор в якутской литературе преобладают поэзия и драматургия. Но в последние годы появились и романы — «В огне и бурю» Н. Якутского о гражданской войне в Якутии и первый роман прозаики-трилогии Амма Аччыгыя — «Весенняя пора».

Так же, как и в других молодых наших братских литературах, в творчестве якутских писателей обнаруживаются серьезные недостатки. В некоторых произведениях сказывается национальная ограниченность (песня «Айал» Омоллона), чрезмерное увлечение историческими темами при недостаточном глубоком знании истории своего народа (песня «Волшебный Туймад» Л. Попова). Развитие якутской поэзии мешает натурализм в подходе к явлениям действительности, риторика, некритическое использование фольклора. При обсуждении постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» якутские писатели вскрыли целый ряд положительных сторон и недостатков в творчестве отдельных товарищей, признали, что якутская литература отстает от современных задач послевоенного периода. Перед якутскими писателями встает первостепенная задача — показать, как якутский народ строит свою страну и культуру. В Якутии имеются электрифицированные колхозы, знатные трактористы, замечательные охотники, прославленные шахтеры, инженеры, геологи, ученые. Образы именно этих людей должны занять первое место в художественной литературе.

Можно надеяться, что якутские писатели выполнят эту задачу; в этом обнадеживает их предыдущая творческая работа.

Якутская молодежная советская социалистическая республика отметила два двадцатилетия. За четверть века якутский народ прошел такой путь своего материального и духовного развития, какой в капиталистических условиях невозможно было бы пройти даже за века. От родовых и феодальных общественных отношений на непосредственно перешел к социалистическому обществу и при помощи и поддержке великого русского народа создает свою новую жизнь и ее верное отражение — литературу. Новая советская литература, дальнейшему подъему культуры Советского Союза.

В порядке обсуждения.

О „БОЛЬШОЙ“ И „МАЛОЙ“ КУЛЬТУРАХ ТОВ. П. АНТОКОЛЬСКОГО

В журнале «Знамя» я прочел статью тов. Павла Антокольского «О поэзии, о воспитании молодых, о культуре». Не касаясь мнения, высказанного автором в первых двух разделах его статьи, позволю себе сделать несколько критических замечаний по поводу третьего — «О культуре».

Что такое культура в понимании Павла Антокольского? Смель оперируя различными крайними положениями, он устанавливает две ее разновидности — большую и малую. Да, большая культура называет — просто культура, а малой — культура в кавычках, он пытается провести между ними демаркационную линию.

Очевидно, предполагая, что им сделано важное открытие, тов. Антокольский, по существу, переносит избитые мотивы из обихода культур-либеральной философии, как известно, строго разграничившей понятия «цивилизация» и «культура». У П. Антокольского эта мысль звучит так: «Культура всегда динамична. Если культура в кавычках есть потребление благ, то без кавычек она — производство ценностей...»

Если с высоты абстракции свести эти определения П. Антокольского к реальным понятиям, то окажется, что они противоречат элементарным основам исторического материализма, зная которые обязан любой студент-первокурсник; тов. Антокольский попросту забывает о связи между развитием материальной жизни общества и его духовной жизнью.

П. Антокольский следующим образом «разъясняет», что относится к культуре «в обиход» и что к культуре «в частности». Он пишет: «Под культурой разумеем одинаково: больше тиражи классиков — и зубные щетки; состояние школьного дела в стране — и умение обходиться без ножа, когда на столе рыба. Вот почему представляется насущно необходимым точно условиться о том, что же такое, в сущности, культура, отграничить и очистить понятие культуры от запоз и шлама, от ложного толкования. Привычка к зубной щетке — сама по себе очень полезная привычка — это еще не культура. И дежурские манеры (кушать рыбу без ножа, хорошо завязывать галстук и т. д.) — это тоже не культура. Это ее поверхностный, наносный слой...»

По мнению П. Антокольского, понятие культуры приобрело неожиданно «широкий смысл»: оно объединяет многое разное и противоречивое. В этом он усматривает «часту и характерную ошибку». Мне кажется, что в первую очередь ошибается сам автор статьи.

Хочется напомнить П. Антокольскому о том, что говорил по поводу большой культуры М. И. Калинина в докладе о коммунистическом воспитании, прочитанном им еще в 1940 году. «Культура нам нужна, как воздух, во всем ее широком диапазоне, т. е. от элементарной, необходимой буквально каждому человеку, до так называемой большой культуры. Говорят: человек большой культуры».

Культурность является определенным показателем степени развития человека. А так как развитый человек пользуется большим вниманием, то некоторые перенимают внешнюю сторону культуры. О таких людях обычно говорят: «нарядная ворона в павлиньи перья». Однако по-настоящему, такое сужение неправильно, вредно для развития культуры. Разумеется, в массе люди вначале берут внешнюю сторону. Но поскольку человек старается приобрести внешние стороны культуры, они, в свою очередь, влияют уже на подлинную культуру».

Таким образом, делить культуру на большую и малую, пытаться уважение к большой и пренебрегать малой, может только тот, кто совершенно не разбирается в сущности и значении этого слова.

Культуры «большой» и культуры «малой» нет!

«А как же там австралийцы! Как точно рассчитан уклон на поворот... А какие ванные в квартирах! Как светятся выключатели! Белоснепиды! Игрушки! Фотоаппараты! Бритвы!»

П. Антокольский хочет уверить нас в том, что «такие или схожие высказывания можно услышать от множества советских молодых людей, военных, полувоспитан или совсем не военных, прибывших сейчас на Запад. Слово «культура» склоняется во всех падежах, иллюстрированное заголовками, чудачки, лудрой и множеством других предметов ширпотреба».

Нет, Запад не произвел столь «шошоломного» впечатления на нашу молодежь, да и на наших «стариков», прибывших там. Я, лично, прошел Кариаты и видел, как думают гузулов, прошел Польшу и видел бедных польских крестьян, прошел Германию и видел изощренные способы надевания сильных над слабыми и, наконец, всевозможные немецкие эрзацы, начиная от пирожных из опилок, папирос, набитых мхом вместо табака, и кончая знаменитым шелком из древесины.

Я не заметил, чтобы кто-либо из советских людей восмислился этим, старался запомнить рецепты и способы «эрацирования» как товаров, так и самой жизни. Но зато я наблюдал, как многие из наших офицеров и солдат в свободные от боев часы ходили целыми группами на заводы, спускались в шахты, внимательно ко всему приставались, расспрашивали, записывали. Мы были любознательны там, за границей, и

не боялись сознаться, что у нас нет таких хороших вещей, как, например, светящиеся выключатели, отличные галстук, чулки «паучники», бензопилочки на дорогах, потому что мы бы гордилась, что у нас есть Днепрогэз и Пушкин, Уралмашзавод и Шостак-ович, московское метро и Ботвинник, тысячи МТС и научных институтов.

Взгляд наш был внимательным и критическим. Николая не поверю, чтобы кто-либо из советских людей восмислился системе западноевропейского утреннего туалета, при которой умывание производится не над раковиной, а из специального туалетного тазика, где сначала моешь руки, а затем в этой же воде — лицо. Никто не восмислился широко распространенным на Западе способам намыливания бороды в парикмахерской вместо кисточек — пальцами. Это было дружно осуждено, как негигиеническое и антисанитарное явление.

Итак, совсем не все, что накопило «западный обыватель для своего благополучия и комфорта», безвредный собирательный аноним, против которого ополчился тов. Антокольский, ожестил «высоким именем культуры». Подобная за рубежом своего родины, советский человек в массе своей только приумолил свой социальный опыт, и ему не нужно «объяснять» различия между томком «Фауста» и модным ширпотребом, который вовсе не приобрел магической силы, приписываемой ему П. Антокольским.

Тот, кто с упоением разглагольствует об австралийцах и ванах, о светящихся выключателях, фотоаппаратах, бритвах и делает из них предмет своеобразного культа, похож на Эллочку-лодочку из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, знающую всего латышского языка, но не знающую ни одного слова русского языка, или на «Московского обывателя» (оттуда же) преклоняющуюся перед культурой Запада и распространяющую порошок от блох под влиянием заграничной пудры, по тому лишь признаку, что на коробке написано не по-русски.

Случай с гвардией старшим лейтенантом, прошедший в горах близ Берлина и приведенный П. Антокольским в качестве примера превосходства нашей культуры, по меньшей мере неудачен.

Старший лейтенант, который знает немецкий язык, читал «Фауста» и «Песнь о Нибелунгах» и держит руки в карманах, идя по улице, — да ведь он не только не соблюдает элементарных правил приличия, но не выполняет устава внутренней службы Советской Армии! У любого дисциплинированного офицера он вызовет искреннее возмущение.

Зачем же понатоблюсь П. Антокольскому оправдывать такую «мелочь» лишь потому, что лейтенант знает Гете, знает «не мелочи»? Тенденция прощать мелкие проступки за заслуги не всегда и не везде уместна.

В том-то и суть, что чем выше культура человека, тем выше требования, предъявляемые к нему.

Знание Гомера и Виргилия несомненно с лушением семечек на улитке; преклонение перед музыкой и живописью — с отсутствием привычки употреблять носовой платок, заменяя его рукавом пальто.

П. Антокольский говорит, что «стотолоск мелочи» — потребительское отношение к искусству и его деятелям, примерно то же порядки, что считать всех авторов пьяницами и развратниками, а живописцев — немчскими губриями. Убогий взгляд Термина на он по отношению к деятелям советской культуры!»

А я хочу спросить П. Антокольского — почему он должен быть терпим по отношению к советскому офицеру, проступок которого автор статьи оправдывает, апеллируя к его заслугам?

Мы уже настолько выросли, что свободно можем отличать полезное от пустого или вредного, и отнюдь не должны и не собираемся перенимать «штонечные нравы» западноевропейских дельцов, торгующих территориями и народами, нрава подкалывов и клеветников, незустское лицемерие и целюконеанастивность. Советский человек — творец своего счастья. Мы это твердо знаем и точно помим. Никакие силы не столкнут нас с правильного пути. Мы верим в свое будущее, верим в грядущие дни счастливой жизни и чувствуем величие наших дней.

Тов. Антокольский варьирует один и тот же мотив: мол, пусть офицер неосватив, зато читал Гете. Или кажется, что в этих словах звучит нотка барского пренебрежения. В самом деле, что за санископичность к «малым сим»? Из чего Антокольский взял, что наш человек нуждается в скидках «на обстоятельства»?

«Где вы найдёте такой народ и такую страну, как у нас? — говорит тов. Жданов. — Где вы найдёте такие великолепные качества людей, какие проявил наш советский народ в Великой Отечественной войне и какие он каждый день проявляет в трудовых делах, переходя к мирному развитию и восстановлению хозяйственной культуры!»

Не отступая ни перед какими трудностями, одолевая их, мы завоевали высоты культуры, и поэтому мы вправе быть требовательными к себе, нетерпимыми к своим недостаткам и должны не умиляться, а оценивать культурные ценности по их подлинному достоинству.

г. Самбор, Дрогобычской обл.

В прошлом Якутия была страной вымирающего народа и страшной «дедяной тюрьмой» для политических «сытников». Дореволюционный якутский поэт А. Софронов писал о тяжком положении своего народа: «Как гниль, лежал под землей, И гнил и нем мой край родной, Трудовой человек, Давно вложил свой жалкий век, Он и в порте дымной порой Живет несчастною порой, Попадает, горюет и угрюм...»

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила якутов изпод губительного гнета родовых князюшек — тойонов и царских чиновников и вывела их на широкую дорогу социалистического преобразования жизни, на путь национального и культурного развития.

В 1922 году был создан первый якутский букварь, тогда же начали выходить школьные учебники, а с 1923 года впервые появляются в печати стихи и рассказы молодых якутских писателей — Юнде, Эллы, Абагынского, Амма Аччыгыя, С. Омоллона, Кюннок Урастырова, Эрэлк Эрстина, С. Ефремова. Все Джарарына и других.

Якутские писатели постепенно овладевают русским языком, переводят русскую классическую и советскую литературу. Давно уже издаются на якутском языке произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого, Горького, Мая

